

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВОЕГО И ЧУЖОГО В ПОСЛАНИЯХ В. В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ (2012—2014 ГГ.)

АННОТАЦИЯ. Предметом данной статьи является рассмотрение некоторых особенностей современного российского политического дискурса. В качестве фактического материала привлекаются тексты посланий Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию (2012, 2013, 2014 гг.). Автор исходит из известных теоретических положений об исконной манипулятивной природе языка и о различных способах лексического выражения универсальной семиотической оппозиции «свой/чужой». И то, и другое положения являются неизменно актуальными при анализе политической риторики, которая обладает к тому же широким общественным резонансом. Удалось установить, что противопоставление своего чужому постоянно присутствует в текстах каждого послания, однако в каждом конкретном случае вербализуется вариативно. Так, в Послании-2012 в роли кардинально важных для российского социума («своих») предлагаются национальная и духовная идентичность, гражданская ответственность и патриотизм; милосердие, сочувствие, сострадание, поддержка и взаимопомощь. В Послании-2013 «чужим» аксиологическим ориентиром противопоставляются некие «свои» традиционные ценности, впрочем, недостаточно детализируемые. В Послании-2014 антитеза «своего» и «чужого» представлена весьма четко, очевидно вследствие обострения международной ситуации, поэтому словесные характеристики некоторых зарубежных государств и их действий по отношению к России почти предельно жестки. Здесь же неоднократно фигурируют постулаты о внутреннем единстве социума и о традиционных ценностях. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в дальнейших разработках подобной проблематики, а также в преподавании ряда вузовских курсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; семиотическая оппозиция; манипулятивный эффект.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; адрес: 660060, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru.

Среди специалистов сегодня довольно распространена точка зрения, согласно которой одной из главнейших функций языка (а может быть, и исторически первичной) является функция манипулятивная, или функция воздействия — в иных терминологических вербализациях также волонтерная, волеизъявительная и проч. (см. об этом, например: [Голев 2007: 11; Бринёв 2005: 158; Кара-Мурза 2002: 84; Осипов 2007: 217; Секретарёва 2005: 266] и др.). Не вдаваясь в дискуссии по этому поводу, когда относительно глубинных истоков языка — в силу совершенно понятных причин — сопоставляются и противопоставляются различные версии и гипотезы, скажем лишь, что предположение об исконной манипулятивной природе языка, по крайней мере, не менее логично, чем прочие.

Если обратиться хотя бы к некоторым суждениям, характеризующим слово как языковую единицу, обладающую лексическим значением и поэтому способную использоваться для номинации реалий, то можно увидеть в них нечто общее, а именно — указание на некие аккумулирующие потенции лексем. Ср.: «Слова суть символы <...>. Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» [Булгаков 1953: 26, 30]. — «Слова <...> как аббревиатуры или представители высказывания, мировоззрения, точки зрения и т. п.» [Бахтин 1986б: 316]. —

«В каждом слове, кроме понятия, заключены еще образ и символ» [Колесов 1999: 222]. — «За словом и его смыслом всегда стоит нечто большее — коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие...» [Трубачёв 2004: 154] и т. п.

В том числе и в силу приведенных свойств слова понятна его роль как катализатора (импульса, или, может быть, даже детонатора) не только на уровне межличностных отношений, но и в массовых социально-политических процессах: «Слово — полководец человеческой силы» [Маяковский 1973: 15]. И, хотя «слова языка ничьи», но «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи» [Бахтин 1986а: 282—283]. Отсюда — и высокая значимость текстов выступлений политических деятелей и руководителей, и, соответственно, привлекательность таких речес коммуникативных актов (вне зависимости от жанра, т. е. монологического либо диалогического их характера) для лингвистического анализа. Конечно, при этом необходимо учитывать и фактор коллективного авторства (участие «спичрайтеров» — штатных речеписцев), однако номинально подобные тексты принадлежат прононсующим («озвучивающим») их адресантам, вследствие чего в сознании аудитории прочно связываются с их именами. Добавим, что, согласно известному мнению, смысл текста —

«это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [Бахтин 1986: 299]. Впрочем, такая тематика является в политических выступлениях далеко не самой частотной и во всяком случае не доминирующей: обычно она привлекается для дополнительной аргументации каких-то действий, уже совершенных или предполагающихся, для эмоционализации жанрово однообразной риторики; может быть, и для демонстрации эрудиции оратора и проч. Тем не менее (или тем более), фрагменты морально-этического толка весьма значимы и в отношении вероятно прогнозируемого общественного резонанса, и в качестве предмета многоаспектного изучения.

Рассмотрим такие феномены на материале некоторых публичных выступлений В. В. Путина; это послания президента Федеральному собранию РФ 2012, 2013 и 2014 годов (источники — соответственно [Послание Президента... 2012; Послание Президента... 2013; Послание Президента... 2014]).

Предварительно необходимо учесть следующие обстоятельства.

По-видимому, любому государству необходим некий набор фундаментальных ценностей, способный выполнять одновременно несколько функций, весьма значимых для социума и его членов. Это регулирование межличностных отношений — и отношений между общественными макро- и микрогруппами; установление ориентиров, которых необходимо придерживаться хотя бы для выживания социума, и целей, достойных достижения не только индивидуумом, но и всем обществом: в конечном счете — это четкая, проверенная историческим опытом система ограничений и самоограничений, насуточно важных для человека, желающего ощущать себя собственно человеком (и, конечно, воспитываемого соответствующим образом). При этом, несомненно, устанавливается и водораздел между «своим» («хорошим») и «чужим» («плохим»), то есть граница, которая радикально указывает приемлемое и одобряемое, с одной стороны, а с другой — препятствует проникновению враждебного и пагубного для данной социокультурной модели не только в материальной, но прежде всего в духовной сфере бытия.

Вполне закономерно, что такие аксиологические системы строятся в первую очередь на наиболее авторитетной базе, то есть религии (например, ветхозаветные заповеди [Исход, 20] или постулаты Нагорной проповеди [Матфей, 5] и под.), либо же на подчеркнута атеистических основаниях (как моральный кодекс строителя коммунизма —

хотя и в этом случае можно говорить о фактически чуть ли не аналогичном государственной традиционной религии статусе коммунистической идеологии, единой и единственной в Стране Советов).

Однако в качестве одного из фрагментов послеперестроечного процесса — логичного предшества российских реформ — естественно была введена (правда, как гораздо позже признавали творцы и споспешники, не вполне каноническими методами и приемами) новая конституция. Она провозглашает, в частности, что в России «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (см. преамбулу и ч.2 ст. 13 Конституции РФ). Понятно, что этот постулат в немалой степени оказался результатом борьбы перестройщиков-реформаторов со столь ненавистной им коммунистической идеологией (посредством использования которой многие из них уже успели к тому времени получить материальные дивиденды и высокий социальный статус). Выяснилось, однако, что такой подход не только непродуктивен для общества в целом, но и лишает правящую элиту рычагов морального воздействия на подданных. По этим причинам время от времени иницируются то поиски мифических «общечеловеческих ценностей», то изобретения очередной модификации «национальной идеи», то активная популяризация (зачастую выходящая за конституционные рамки светского государства) традиционной религии, вроде бы освящающей своим благословением любые действия власть и капитал имущих (см. об этом, например: [Васильев 2013: 133—201, 354-355 и др.]).

Поэтому небезынтересно обратиться к возможным манифестациям предлагаемой обществу аксиологической шкалы в выступлениях высшего государственного руководителя.

1.Послание-2012. По-видимому, наиболее сконцентрированно важность наличия у социума «своих» установок выражена в следующем пассаже оратора: «<...> В начале XXI века мы [Россия] столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом. А если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, всё и так развалится само по себе». Тематически сюда примыкают такие тезисы: «Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация» (о смысле, вкладываемом сегодня в слово

нация в российском официозе, см. [Васильев 2013: 321-358]). — «<...> Работа каждого на себя имеет и свои пределы <...>. Нельзя достичь благополучия, если за порогом твоего дома разруха <...>. Нельзя прожить особняком, не помогая слабым <...>». — «В Конституции общенародная ответственность за Родину перед нынешними и будущими поколениями провозглашается как фундаментальный принцип российской государственности [точнее, преамбула конституции гласит: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации <...>, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...» — А. В.]. Именно в гражданской ответственности, в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики». — «Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории <...>, а прежде всего служить обществу и стране». — «Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для создания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания». — «<...> В предыдущие 15-20 лет <...> были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи. Но <...> тогда же были утрачены и многие нравственные ориентиры» [без последнего достижения вряд ли можно было проводить реформы, присваивать госсобственность, вскармливать олигархат, атомизировать общество и проч. — А. В.]. — «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи <...>». — «Мы должны <...> укреплять прочную [зачем «укреплять прочную»? — А. В.] духовно-нравственную основу общества». — «Государству <...> обеспечить гарантии гражданских прав и справедливость, снизить уровень <...> социального неравенства...». — «<...> Моральный авторитет государства — это базовое условие развития России».

В приведенных цитатах можно выделить следующие микроконтексты: констатация утраты жизненно важных ценностных ориентиров в последние два десятилетия российской истории (хотя и не сказано, кем и в чьих интересах инициировались и стимулировались эти процессы) и необходимость для социума нравственных установок, согласно которым «сильные» (видимо, люди денег и власти) будут помогать «слабым» (то есть обездоленным «сильными»); призыв к поддержке идентичности России (без де-

шифровки понятийного наполнения термина *идентичность*) и консолидации социума (радикально разобщенного по статусно-материальному критерию). «Общенародная» же ответственность, на наш взгляд, должна быть четко дифференцирована в зависимости от властных потенциалов конкретных лиц и их групп. Примечательно, что в данном тексте дважды фигурирует слово *справедливость*, казалось бы, прочно исключенное из реформаторской пропаганды и официоза.

Однако небезынтересно, в каких именно контекстах оно выступает. Во-первых, оказывается, что наличие справедливости всецело зависит от образа (точнее — имиджа) власти (см. об этом: [Васильев 2007], [Васильев 2013: 447-459]) и декларируемого модуса ее поведения, ср.: «Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для <...> утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости <...>» — и: «<...> Именно государству сегодня адресованы основные общественные запросы: обеспечить гарантии гражданских прав и справедливость <...>». Во-вторых, обнаруживается высокий манипулятивный потенциал слова *справедливость*: «<...> Нам нельзя пока отказываться от так называемой плоской ставки [подходного налога]. Прогрессивка, как бы она внешне ни смотрелась социально справедливой, но она этой *справедливости* не обеспечит <...>. Будет уход от налогов [который благополучно имеет место и сегодня. — А. В.] <...>. А значит, у нас возникнут дефициты по поводу финансирования армии, пенсий, бюджетной сферы. Вот вам и *социальная справедливость*».

В связи с последним высказыванием надо заметить, что в цитируемом тексте довольно много того, что следовало бы квалифицировать как проявление некогерентности либо как весьма относительного представления о реальной действительности. В частности, это лозунг о создании и модернизации к 2020 году 25 миллионов рабочих мест (действительно «амбициозный» в исконном смысле этого слова [Васильев 2010]), причем с обеспечением «хорошей и интересной работой»; это поддержка идеи внеполитических ассоциаций студенческих спортивных клубов как «социального лифта для талантливой, целеустремленной и активной молодежи» (видимо, других «социальных лифтов» для плебса не предвидится); это воодушевляющая информация о росте числа талантливых абитуриентов педвузов — при отсутствии упоминания об уже

произошедшей или готовящейся ликвидации вузов данного профиля; это не основанное ни на какой широко известной статистике утверждение, что «подавляющее большинство людей, которые работают в различных структурах [т. е. чиновники], это люди порядочные и ответственные»; это обещание очередного этапа приватизации «на честной, открытой продаже госсобственности по справедливой, реальной цене» и она «не должна иметь ничего общего <...> с практикой 90-х годов» (однако если залоговые аукционы не были честными, то почему их результаты до сих пор не пересмотрены — из-за «социальной справедливости»?) и т. п. Напомним, что, согласно действующей конституции, «Российская Федерация — социальное государство» (ст. 7).

В общем, если «базовое условие развития России» — это «моральный авторитет государства», то за счет лишь подобных деклараций он вряд ли скоро достигим (равно как и за счет преподавания религии в государственных школах).

2. Послание-2013. В данном тексте, изначально тематически приуроченном к двадцатилетию действующей конституции и, соответственно, Федерального собрания, морально-этическая проблематика занимает относительно незначительное место.

Сюда принадлежит, например, фрагмент, посвященный «межэтническому напряжению»*, которое, оказывается, «провоцируют не представители каких-то народов, а люди, лишённые культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим. Это своего рода аморальный интернационал, в который входят и распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые «крышуют» этническую мафию, и так называемые «русские националисты», разного рода сепаратисты, готовые любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы».

Гораздо более объемён и значим, на наш взгляд, эпизод выступления, выражающий позицию государства по поводу импортируемых этических установок и определяемых ими моделей поведения (т. е. «чужих»). Здесь весьма четко выражено и их оправданное неприятие, и совершенно логичное объяснение «консервативной позиции» России, которая, «с ее великой историей и культурой, с многовековым опытом не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства. Сегодня во многих странах пе-

ресматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют <...> обязательного признания равноценности <...> добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» <...> в корне антидемократично, поскольку проводится <...> вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии».

Далее следует четкое противопоставление навязываемому извне «чужому» исторически испытанного «своего»: «<...> В мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите *традиционных ценностей*, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира».

3. Послание-2014. Сферы, которые затрагиваются здесь в морально-этическом аспекте, могут быть условно дифференцированы на две группы: а) международная деятельность российского государства; б) внутривнутриполитическая ситуация в стране.

а) В этой группе присутствуют прежде всего именованные (иногда — ироничные и перифрастические) руководители стран Запада: «А как изначально складывался наш диалог с американскими и европейскими партнёрами по этой теме [Украине]? Не случайно упомянул наших американских друзей, так как они напрямую или из-за кулис всегда влияют на наши отношения с соседями. Иногда даже не знаешь, с кем лучше разговаривать: с правительствами некоторых государств или напрямую с их американскими покровителями и спонсорами». — «<...> Что-то не вижу, что наши западные коллеги горят желанием это делать [т. е. оказать помощь экономике Украины]». — «<...> Чем больше мы отступаем и оправдываемся, тем больше наши оппоненты наглот и ведут себя всё более цинично и агрессивнее». — «<...> Мы рассматривали <...> наших вчерашних противников как близких друзей и почти союзников [в 1990-х и в начале 2000-х годов]». — «Мы хорошо помним, кто и как в тот период практически в открытую поддерживал у нас сепаратизм и даже прямой террор». — «<...> Нас [Россию] с удовольствием пустили бы по югославскому сценарию распада и расчленения <...>. Не вышло. Мы не позволили. Так же, как не вышло у Гитлера <...>. Надо бы всем помнить, чем это заканчива-

ется». Для многих (а пока, может быть, — и очень многих) граждан России содержащееся в последней цитате упоминание Гитлера и сравнение попыток сегодняшних западных руководителей с деяниями этого персонажа несомненно предельно инвективны и должны были вызвать у аудитории (или большей ее части — с учетом взглядов нынешней российской оппозиции) совершенно точно прогнозируемый резонанс. Иначе говоря, западные политики представлены как безусловно «чужие».

Следует заметить, что номинации представителей Запада исторически недавно действительно вербализовались словами *друг* и *друзья* — достаточно вспомнить, как прочувствованно об этом высказывался Ельцин: «мой друг Билл...»; «мой друг Гельмут...» и проч., подразумевая, по-видимому, что факт личной дружбы между государственными руководителями (или же того, что первый президент России принимал за дружбу — что, впрочем, вероятно, распространено среди индивидуумов в определенном психофизиологическом состоянии) автоматически означает и дружбу между государствами. Ср. также интересный комментарий современного писателя: «<...> Все новейшие разработки <...> очень скоро становились известны *нашим геополитическим партнерам* (так теперь называют, чтобы не сглазить, *вероятного противника*)» [Поляков 2010: 379].

Совершенно обоснованно следующее суждение оратора: «Политика сдерживания придумана не вчера. Она проводится в отношении нашей страны многие-многие годы — всегда, можно сказать, десятилетиями, если не столетиями. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, это инструменты включаются немедленно» — см. [Молчанов 1984: 162, 224-225 и др.].

Гораздо менее частотны в рассматриваемом тексте упоминания о тех, кого условно можно отнести к группе «свои»: «Наша цель — приобрести как можно больше *равноправных партнеров* — как на Западе, так и на Востоке <...>. Хорошо известны и лидеры, локомотивы глобального экономического развития. Среди них немало *наших искренних друзей и стратегических партнеров*».

В качестве первостепенно важных аксиологических ориентиров, способствующих грядущему процветанию страны («своих») приводятся следующие: «<...> Здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремленностью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса,

уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивание ее законных интересов — вот наши приоритеты». Можно отметить, что залог счастливого завтра (или очередного «светлого будущего»?) страны обуславливается здесь аксиоматичным переплетением сугубо личностного — и общегосударственного планов. Кроме того, словосочетание *традиционные ценности*, кажется, уже ставшее привычным в устах цитируемого оратора, очевидно нуждается в дешифровке, которая здесь была бы чрезвычайно уместна.

В свете этого весьма интересна неоднократно затрагиваемая оратором актуальная тема внутреннего единства российского социума, что также можно трактовать как призыв к консолидации «своих» на основе общих для них (либо их подавляющего большинства) фундаментальных принципов — *традиционных ценностей*.

Напомним: цитируемое послание было оглашено непосредственно аудитории, в которую входили члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, члены Правительства, руководители Конституционного и Верховного судов, губернаторский корпус, председатели законодательных собраний субъектов Федерации, главы традиционных конфессий, общественные деятели, в том числе главы общественных палат регионов, руководители крупнейших средств массовой информации — в общем, достойные представители российской «элиты».

Итак: «<...> Хочу поблагодарить всех вас за поддержку, за единение и солидарность в судьбоносные моменты <...>. Мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплоченной нации». — «<...> Здесь [в Крыму] <...> находится духовный исток формирования многоликой, но *монолитной* русской нации...» — «<...> Христианство явилось мощной духовной *объединяющей* силой, которая позволила включить в формирование *единой* русской нации <...> самые разные по крови племена <...>. Именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя *единым* народом». — «Убежден, наше общество б у д е т по-настоящему *единым*, если мы обеспечим равные возможности для всех [т. е. включая людей с ограниченными возможностями]». — «<...> Хотел бы обратиться к представителям всех политических партий, общественных сил. Рассчитываю на нашу совместную консолидированную работу. Интересы России требуют от нас именно такого единства <...>».

Предпоследняя из цитированных фраз несколько диссонирует в смысловом отношении предыдущим высказываниям о единстве и сплоченности: они, оказывается, пока еще не настоящие. В последней же фразе слово *единство* можно семантизировать лишь весьма ограниченно: как «единство элиты», но вовсе не народа в целом.

Отметим также, что единожды употребленное в этом тексте слово *справедливость* допустимо понимать лишь применительно к обстоятельствам воссоединения Крыма с Россией: «Россия на деле доказала, что способна защитить соотечественников, с честью отстаивать правду и *справедливость*». Но это — так сказать, справедливость «на экспорт», то есть во внешнеполитической сфере деятельности государства.

В рассмотренных нами текстах посланий В. В. Путина Федеральному собранию постоянно присутствуют вербальные выражения семиотической оппозиции «свое» / «чужое», что, конечно, вполне естественно для политического дискурса, тем более — выступлений главы государства, знаменующих определенные этапы эволюции жизнедеятельности страны в целом и одновременно предлагающих некоторые перспективы ее дальнейшего развития. При этом в хронологически различных текстах компоненты неизменно актуального противопоставления манифестируются по-разному.

В Послании-2012, где подчеркивается кардинальная важность для социума «своих» жизненных идеалов и ориентиров, в качестве таковых предлагаются национальная и духовная идентичность; забота об общественном благе, гражданская ответственность и патриотизм, выражающиеся в служении обществу и стране; милосердие, сочувствие, сострадание, поддержка и взаимопомощь, в общем — «духовные скрепы». Нескольким обособленно выступает тезис об открытости власти (понятно, что он адресован не обществу в целом, а лишь его наиболее достойным представителям). Весьма симптоматичным для текста такого жанра можно было бы считать употребление слова *справедливость*, за годы реформ, казалось бы, решительно удаленное из российского официоза (см. об этом, например [Поляков 2005: 184]). Однако оно используется в обоих случаях с явно манипулятивными целями: в первом — когда предписывается, что справедливость должна утверждаться именно властью (которая, надо полагать, сама и будет оценивать свои успехи в этом процессе); во втором — когда стремлением к справедливости

объясняется решительный отказ от введения прогрессивной ставки подоходного налога (почему-то без постоянных ранее ссылок на опыт «цивилизованных государств», где такой подход к налогообложению существует давно).

Следовательно, само слово *справедливость* можно интерпретировать по-разному — и вовсе не обязательно как вербальный символ обеспечения интересов социума в целом.

В Послании-2013 набор аксиологических ориентиров предлагается в основном, скорее, «от противного»: навязываемым извне (и, кстати, не через какие-нибудь «вражеские голоса», а именно российскими средствами массовой информации и их штатными либо факультативными речедейателями) толерантным и мультикультурным установкам различных извращенцев; «чужим» противопоставлены некие «свои» *традиционные ценности*, однако недостаточно внятно и подробно детализируемые, а потому интерпретация их может быть довольно вариативной.

В Послании-2014 антитеза «своего» и «чужого» представлена весьма четко, очевидно вследствие острой международной ситуации, поэтому словесные характеристики некоторых зарубежных государств и их действий по отношению к России почти предельно жестки и совершенно нелицеприятны. Неудивительно, что на этом фоне многократно повторен постулат о внутреннем *единстве* (или не завершеном пока *единении*?) социума — либо, может быть, только его «элиты». И здесь также фигурирует мало конкретизированное словосочетание *традиционные ценности*, по существу, уже превратившееся (превращенное) в устойчивый пропагандистско-риторический штамп, привычно воспринимаемый в качестве некоего вербального символа, якобы не нуждающегося в глубоком осмыслении.

Между тем, поиски «традиционных ценностей» и «духовных скреп» могли бы оказаться гораздо более продуктивными, если учитывать то непреложное обстоятельство, что «русская идея <...> есть самое общее, наиболее масштабное, качественно идеальное представление о счастье и жизни <...>. Выражение-понятие *русская идея* оставил писатель Федор Достоевский: «Чтобы всем хорошо было!» <...> А *справедливость* — основная идея русской ментальности» [Колесов 2004: 77]. Впрочем, применительно к современному состоянию российского социума это очевидно сугубо идеально, то есть совершенно не связано с реалиями повседневного бытия.

Заметим также, что, хотя в советском прошлом довольно затруднительно отыскать

абсолютно полные аналоги сегодняшним президентским посланиям (лишь очень приблизительно здесь можно назвать отчетные доклады генсека КПСС, впрочем, обращенные к аудитории совершенно иной по составу, нежели современная), но некоторые особенности, вроде определяемой самим жанром политического выступления его структуры или употребления вербальных символов, манифестирующих компоненты оппозиции «свое»/ «чужое», очевидно устойчивы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср.: «В недрах кабинета министров РФ разрабатывается законопроект, предполагающий использование слова *национальный* только в масштабах всего российского государства. В отношении народов, проживающих в Российской Федерации, планируется ввести термин *этнический*. Таким образом, в России скоро не станет межнациональных конфликтов, так как они все перейдут в разряд межэтнических» [MariUver].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986а. С. 250—296.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986б. С. 297—325.
3. Бринёв К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул : АлтГУ, 2005. С. 156-167.
4. Булгаков С. Н. Философия имени. — Париж, 1953.

5. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150—161.
6. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб. : Златоуст, 2013.
7. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул : АлтГУ, 2007. С. 7—13.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002.
9. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб., 1999.
10. Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб., 2004.
11. Маяковский В. В. Сергею Есенину // Собр.соч. В 6 т. Т. 3 / В. В. Маяковский. — М., 1973. С. 11—16.
12. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. — М., 1984.
13. Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мощничество: сходство и различие // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. — Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 216—221.
14. Поляков Ю. М. Порнократия. — М., 2005.
15. Поляков Ю. М. Гипсовый трубоч: дубль два. — М., 2010.
16. Послание Президента Федеральному собранию. 2012. 12 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118>.
17. Послание Президента Федеральному собранию. 2013. 12 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>.
18. Послание Президента Федеральному собранию. 2014. 4 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.
19. Секретарёва Е. В. Суггестивное воздействие в текстах массовой коммуникации // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. — Кемерово; Барнаул, 2007. — С. 267-276.
20. Трубочёв О. Н. Заветное слово. М., 2004.
21. MariUver. URL: <http://mariuver.wordpress.ru> (дата обращения: 27.08.2011).

A. D. Vasilyev
Krasnoyarsk, Russia

LEXICO-PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF *OWN* AND *ALIEN* IN V. PUTIN'S PRESIDENTIAL ADDRESSES TO THE FEDERAL ASSEMBLY (2012—2014)

ABSTRACT. *The aim of this article is to review some of the features of the contemporary Russian political discourse. The article studies presidential addresses of Vladimir Putin to the Federal Assembly (2012, 2013, 2014). The author proceeds from the known theoretical assumptions about the immanent manipulative nature of language and about different ways of lexical expression of universal semiotic opposition own / alien. Both assumptions are relevant for the analysis of political rhetoric, which has a wide public resonance. The author finds out that the opposition of own people to strangers is constantly present in the text of each message, but in each case it is verbalized in a different way. Thus, in the Address of 2012 national and spiritual identity, civil responsibility and patriotism; compassion, empathy, support and mutual assistance are presented as fundamentally important for the Russian society ("own"). In the Address of 2013 "alien" axiological orientations are opposed to certain "own" traditional values, which are, however, defined not clearly enough. In the 2014 Address the antithesis of "own" and "alien" is presented rather clearly, obviously due to the deterioration of the international situation, that is why verbal characteristics of certain foreign states and their actions toward Russia are close to being extremely tough. Postulates of internal unity of the Russian society and about traditional values repeatedly appear in the text of the Address. The materials and conclusions of the article may be used for further development of similar problems, as well as in teaching a number of university courses.*

KEYWORDS: *political discourse; semiotic opposition; manipulative effect.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vasilyev Aleksandr Dmitriyevich, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.*

LITERATURE

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — M., 1986a. S. 250—296.
2. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh // Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — M., 1986b. S. 297—325.
3. Brinev K. I. Manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka v yurilingvisticheskom i sobstvenno lingvisticheskom aspektakh // Yurilingvistika-6: invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka. — Barnaul : AltGU, 2005. S. 156 -167.
4. Bulgakov S. N. Filosofiya imeni. — Parizh, 1953.
5. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. Krasnoyar. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva. 2010. № 1. S. 150—161.
6. Vasil'ev A. D. Igry v slova. Manipulyativnyye operatsii v tekstakh SMI. — SPb. : Zlatoust, 2013.
7. Golev N. D. Samoopredelenie yuridicheskoy lingvistiki v Rossii // Yurilingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo. — Kemerovo ; Barnaul : AltGU, 2007. S. 7—13.
8. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M., 2002.
9. Kolesov V. V. «Zhizn' proiskhodit ot slova...». — SPb., 1999.
10. Kolesov V. V. Yazyk i mental'nost'. — SPb., 2004.
11. Mayakovskiy V. V. Sergeyu Eseninu // Sobr.soch. V 6 t. T. 3 / V. V. Mayakovskiy. — M., 1973. S. 11—16.
12. Molchanov N. N. Diplomatiya Petra Pervogo. — M., 1984.
13. Osipov B. I. Rechevaya manipulyatsiya i rechevoe moshennichestvo: skhodstvo i razlichie // Yurilingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo. — Kemerovo ; Barnaul, 2007. S. 216—221.
14. Polyakov Yu. M. Pornokratiya. — M., 2005.
15. Polyakov Yu. M. Gipsovyi trubach: dubl' dva. — M., 2010.
16. Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. 2012. 12 dek. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118>.
17. Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. 2013. 12 dek. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>.
18. Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. 2014. 4 dek. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.
19. Sekretareva E. V. Suggestivnoe vozdeystvie v tekstakh massovoy kommunikatsii // Yurilingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo. — Kemerovo; Barnaul, 2007. — S. 267-276.
20. Trubachev O. N. Zavetnoe slovo. M., 2004.
21. MariUver. URL: <http://mariuver.wordpress.ru> (data obrashcheniya: 27.08.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.